

АЛЕКСАНДР ХРОМОВ

ПЛАМЯ, ОБЪЯВШЕЕ НАШИ КРЫЛЬЯ

Александр Хромов

Пламя, объявшее наши крылья

«Издательские решения»

Хромов А.

Пламя, объяввшее наши крылья / А. Хромов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749441-4

Север — обнесенная снегами колыбель всего сущего, где, по преданиям, происходят настоящие чудеса, а в непроходимых чащобах еще обитают неисповедимые приверженцы первых богов. Эта история о юноше и его страдающей деменцией сестре, что вынуждены были искать спасение в упадочном морозном городе, затерянном среди вьюг и поверий. Но можно ли обрести покой в том месте, где под сенью первых звезд явственно ощущается дыхание бытия, а шепот неотличимых древ способен утянуть рассудок в омут безумия?

ISBN 978-5-44-749441-4

© Хромов А.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава I	7
Глава II	9
Глава III	12
Глава IV	16
Глава V	18
Глава VI	21
Глава VII	23
Глава VIII	26
Глава IX	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пламя, объявшее наши крылья

Александр Хромов

*Благодарю Karti~ и Cave
за помощь и поддержку.*

© Александр Хромов, 2016

© Ольга Третьякова, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-9441-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Как давно это было?

Размеренный такт космоса, будто биение сердца. Безлистные вечные деревья, устремившие в небеса свои длинные ветви и внимающие в звучание переменчивых созвездий.

Одна из многих ночей на измученном свете, коих было и будет еще несчетные тысячи. Темнота, и бережный холод, который никогда не обжигал своих. Дети грандиозного триединства с очерченными душами. Небрежно сотворенные из осколков вечности, запертые среди трех линий, несчастные обладатели оскверненных жизней.

Скрываясь от обезобразившего их безумия, они вдвоем притаились среди окутанных снегом деревянных стен: абсолютно мерклый, безжизненный парень и бесстрашная женщина, что сияла изнутри, подобно яркой путеводной звезде. Мерклему всегда хотелось тянуться к этому лучезарному блеску, ведь только он способен был подарить ему бесценное дыхание жизни. Только с помощью его благодатного тепла он мог почувствовать в себе хотя бы отголосок смысла и ощутить зыбкую иллюзию значимости.

Когда Яркая дает ему ключ, ведущий за грань, и говорит отнести его в город слепцов, Мерклый не хочет верить в это. Ведь, если ключу будет безопасней среди заблудших, от которых его хотели все это время уберечь, то должно быть грядет величайшая беда.

Она говорит, что все это во имя Первого Кленового Листа и что она верит в силы Мерклого.

С раздирающей его неокрепшую душу и разум мучительной агонией он соглашается, навсегда запечатлевая в своей памяти прекрасный облик Яркой.

Мгновение, чтобы запомнить ее глаза, было намного значимей любых богов.

Мерклый успевает уйти до того, как несущие смерть тени подойдут совсем близко, и, затаившись среди безучастных древ, он в последний раз оборачивается, дабы взглянуть на обнесенное снегом прибежище.

Не видя, но чувствуя, он понимает, что Яркой больше нет. Его путеводная звезда угасла навсегда, не оставляя после себя ничего, кроме опустошающей горькой боли. Мир в одночасье стал слишком мрачным, и безжалостные северные морозы вмиг впились своими ледяными клыками в уязвимое тело.

Неужели он и правда не был особенным? Неужели Яркая действительно ошибалась в нем, и все это не имело никакого смысла? Без тепла ее сердца и подаренного ею дыхания жизни симфония созвездий больше не была такой чарующей. В ней вдруг появился чудовищный, веющий порчей и холодом разлад. Страшный диссонанс, раскалывающий саму человеческую первооснову.

Утопая в скорби и увязая в огромных сугробах, он широкой поступью двигался среди беззвучных древ-наблюдателей, рассыпаясь в тысячах бессмысленных клятв. Сжимая в руках судьбоносный ключ, стоивший Яркой ее жизни, он покидал зачарованный лес, на исходе ночи возвращаясь в ненавистный город, из которого некогда сбежал.

С каждым проделанным шагом космический ритм в его разуме медленно затихал, пока в один миг не смолк навсегда.

Как давно это было?

Глава I

Две темные фигуры одиноко брели среди огромной заснеженной пустоши. Юноша то и дело сверялся с картой, а девушка изумленно осматривала раскинувшуюся перед ней панораму: абсолютно белое поле, из которого изредка торчали иссушенные кустарники или росли ели с тусклой и редкой хвоей. Она видела подобное впервые, и поэтому даже пробирающаяся через тонкие тряпичные одеяния стужа не смогла отвлечь ее от мечтательного созерцания диковинного окружения.

– Они боятся снега, да? – наивным мягким голосом спросила девушка своего угрюмого компаньона. Путники были невероятно схожи друг с другом: угольно-черные волосы, изумрудного цвета глаза и темные одеяния с редкими красными вшивками – отличительная черта их почитаемого княжеского рода. Только вот парень был немного выше своей спутницы, носил на себе тонкую металлическую броню и отличался мрачным выражением лица. Им обоим было около семнадцати лет.

– Просто среди снега им будет сложнее отыскать то, в чем они нуждаются, – чуть раздраженно ответил брат. Вперив взгляд в небрежно нарисованную на кусочке пергамента карту, он пытался найти хоть какой-нибудь начертанный на ней ориентир, что выведет их к нужному поселению. – А теперь давай без вопросов, хорошо?

– Мы теперь не вернемся домой, да? – девушка пропустила мимо ушей высказанную просьбу и, словно в прострации, продолжала спрашивать, задумчиво смотря на причудливую снежную насыпь. На ее лице виднелась глубокая тоска, смешанная с мечтательной отстраненностью.

– Черт возьми, Анна! Почему ты не можешь просто помолчать? Я хочу найти эту проклятую деревню и попасть в тепло! Неужели ты не понимаешь? – юноша уже практически кричал на свою сестру. Он искренне любил ее и старался всеми силами защитить, но иногда она становилась просто невыносимой.

– Я скучаю по нашему саду, Ворон. Ведь в новом доме у нас будет сад? – не умолкала Анна. Она подняла колеблющийся и полный неоднозначности взгляд на своего брата, с наивной надеждой рассчитывая на столь нужное ей в этот миг внимание. Пусть он скажет хотя бы несколько добрых слов. Пусть даст ту самую воодушевляющую и сладостную веру в лучшее, от которой всегда становилось теплей в груди. Ныне девушка особенно сильно нуждалась в ней, когда вокруг было совершенное незнакомое, чуждое и неприветливо холодное место, где на деревьях даже не росло привычных зеленых листьев.

Ворон остановился, медленно развернулся к своей сестре и снисходительно вздохнул. Недовольство и грубость на его лице вдруг сменились неподдельным сочувствием. Он подошел к Анне и бережно прижал ее к закованной в черный металл груди.

– Будет. Обязательно будет. Только придется подождать. Сейчас нам придется туго, но рано или поздно у нас появится сад. Ты ведь обещаешь вести себя хорошо?

– Да, – оказавшийся рядом с лицом доспех был попросту ледяным и явственно ощущался даже сквозь накинутый поверх него тонкий тканевый плащ. Но Анне сейчас было все равно, она ощущала совсем иное тепло, столь неизмеримо важное для нее. – И мы даже заведем зверюшек? Я хочу котят. А еще соек. Ведь ты разрешишь мне завести соек?

– Анна... Нам нужно идти, – брат осознавал, что в таком суровом месте им самим было выжить огромным испытанием, что уж говорить про сады и животных. Он выпустил сестру из объятий и вновь с серьезным видом начал всматриваться в карту, изредка сравнивая начертанные рисунки с пустынным окружением. Наконец, зоркий взгляд юных глаз увидел вдали величественный и древний божий камень – прошедший через века незыблемый ориентир, по которому без проблем можно было отыскать необходимый город.

В отличие от отрешенной девушки, у Ворона в голове были совершенно другие мысли: примут ли их в Кленохладе? Чем он должен будет там заниматься? И, в конце концов – что делать с сестрой? Впадение в детство и слабоумие было лишь одной, самой невинной стороной медали. Внутри нее таилось нечто неизмеримо ужасное, с чем не могли совладать даже в их родном Королевстве. Вдали от дома, без попыток придворных целителей, все могло стать еще хуже, но в сложившейся ситуации оставалось только два выбора – или сдаться, зарывшись в снег прямо сейчас, или попытаться выжить и приспособиться в совершенно новых и крайне суровых условиях.

Юноша знал, что всеразрушающий змей с тремя цитриновыми глазами самонадеянно следовал по их пятам. Он алчно хотел поймать всех тех, кто сумел сбежать в тот роковой день, но малейший холод обычно препятствовал его планам. Группа религиозных фанатиков, захватившая родной край Ворона и Анны, впрямь действовала как мифическое чешуйчатое существо, коему они поклонялись. Ожидая долгие годы, они сделали всего один ловкий и точный укус, эффективно вспрыскивающий в тело уязвимого государства смертельный яд. Культ Змея совершил рывок именно в мгновения глубокого кризиса, и их победа увенчалась безоговорочным успехом для них, и сокрушительным провалом для всех тех, кто отказался присягнуть древнему божеству. Проповедники и шаманы могли мудро управлять одурманенной толпой, вселяя в них безумную веру, они умели просчитывать свои шаги и продумывать примитивную стратегию, но сотворить достойную цивилизацию у них не получалось уже сотни лет – они сами были скованы своими нелепыми догмами и запущенной неразумностью собственных последователей. Металл, камень и даже кожа с великим трудом подчинялись им, а архитектурное искусство казалось чем-то поистине недостижимым для примитивного разума, граничащего со звериным началом. Им не оставалось ничего, кроме как идти вперед, стараясь выхватить на своем пути как можно больше чужого. Прикрываясь волей своего бога, они беззаветно грабили все то, что только могли, и движение было их единственной возможностью выжить, ведь остановившееся воплощение змея начинало стремительно изъедать само себя: порочными мыслями, сомнениями и внутренними распрями. Предводители понимали это и старались всеми силами поддерживать движение. Устанавливать цель и всегда придумывать врага. Пожирать других, страшась и одновременно с этим надеясь на мощь и размеры своего едва контролируемого, неповоротливого и постоянно рассыпающегося змеиного тела.

Глава II

Ворон надеялся на свои силы, но гнетущие воспоминания о том злосчастном дне, разделившем жизнь на «до» и «после», непрестанно посещали его, вытягивая из измученной души малейшие краски.

Удар. Еще один. Оглушительный грохот и треск эхом раздавался по всей пограничной твердыне.

– С меня хватит! – стол с картами и чертежами замка оказался перевернутым, а восседающие за ним советники обратили свои ошарашенные взоры на взбешенного князя. Это был могучий человек с короткими темными волосами и густой бородой. – Тут и так все понятно. Я иду вниз.

– Но ведь их там целая лавина! – неуверенно выдавил из себя один из приближенных.

– Я не боюсь жалких сумасшедших оборванцев! – мужчина встал из-за завалившегося стола и повелел оруженосцам принести его доспехи и оружие. Пока приказ исполнялся, он в неистовстве бродил по просторному залу, не находя себе никакого места – все то, что он выстраивал десятками лет, рушилось у него на глазах. – Свободны!

Советники ушли, и лишь только одна рыжеволосая женщина осталась восседать в окружении опустевших стульев и лежащего вверх ногами стола. Ее вьющиеся локоны пышно ниспадали на грубое и плотное темное платье, на груди которого был детально вышит дивный красный феникс, расправивший свои пылающие крылья. Такая же величественная птица красовалась на тунике князя и его сюрко, что надевался им поверх грозных лат, закрепляемых ныне оруженосцами. Почитаемый герб семьи с честью и гордостью носился всеми ее членами.

– Ты не успеешь дойти до низа, Рикард, – спокойно заверила женщина, поправив упавшие на ее лицо огненные пряди. И, словно устав от всего происходящего вокруг, она томно поднялась на ноги.

– И ты туда же? – с ноткой удивления спросил нахмурившийся князь, взирая на женщину.

– Еще чего. У нас есть десять минут на то, чтобы навсегда попрощаться с детьми, и еще десять, чтобы подготовиться к приходу гостей. Я уже чувствую смрад этих проклятых безумцев и поэтому советую поскорей закончить с первым пунктом, – равнодушный женский голос вовсе не выражал никаких эмоций, и незнакомому человеку подобное наверняка показалось бы до невозможности странным.

– Ты права, моя родная. Дети не виноваты, что мы не смогли их защитить. Они не должны разделить нашу проклятую участь, – поправив кольчугу, мужчина размял шею, готовый облачиться в металлический панцирь, заблаговременно подготовленный для него.

– Отец, я все слышу! – недовольный голос Ворона вклинился в диалог, и вскоре сам наследник показался в дверях. Лицо его было красным от услышанного, а черты лица явственно выражали решительность. – Я не собираюсь оставлять вас! Неужели ты думаешь, что я предаю тебя? – торопливо проговаривал он. В руках его сверкал искусно выкованный и гравированный одноручный меч, хотя тело не было защищено ничем, кроме повседневной тканевой одежды.

– У меня нет времени, чтобы спорить с тобой, неблагодарное дитя! – повысил тон князь. Но ему было прекрасно видно, что упрямый Ворон не собирается так просто оставлять его одного в этот роковой час. – Не для того мы растили тебя столько, чтобы я видел твою чертову смерть! Где Анна? Не дай бог, ты напугал ее, – услышав свое имя, ожидавшая за дверьми темноволосая девушка неуверенно зашла в зал.

– С ней все в порядке, – голос Ворона стал менее эмоциональным, и, убрав меч в ножны, он обратил взор на рыжеволосую женщину, стоявшую тем временем уже с длинным посохом

в руках. Он был похож на оплетенную бесчисленными веревками иссушенную ветвь какого-то крепкого белого дерева. – Мать, почему вы просто не уйдете с нами? Наш замок... – Ворон понизил свой тон практически до шепота, – он ведь обречен.

Юноша знал, что о существовании секретного тоннеля вряд ли известно захватчикам. Он представлял, как вместе с семьей садится на заблаговременно запрятанную лодку, и они все вместе уплывают по течению подальше от захваченной твердыни и поближе к спасительной столице. Всем бы хватило места. Все бы могли спастись! Но стальные глаза матери беспристрастно смотрели на него, не выражая абсолютно никакой реакции. Чувствовала она хоть раз за свою жизнь хотя бы тень радости или печали? Неужели с самого своего рождения она была обречена томным взглядом взирать на окружающий ее мир, даже ни разу не засмеявшись?

Ворон помнил, насколько сильно в детстве его пугало ее ледяное равнодушие, пустой взор и уголки губ, что никогда не были приподняты в улыбке. Когда они оставались наедине, ребенком, он в необъяснимом страхе убегал прочь к отцу – вспыльчивому и эмоциональному человеку, но при этом превосходному и благородному лидеру, обладавшему одним из самых надежных замков во всей стране.

Мара лишилась чувств, когда в ее душу проникло красное пламя. Цена за владение магическими искусствами всегда была непредсказуемой, и человеческие чувства – лишь крошечная часть того, на что готов был пойти одаренный человек ради раскрытия своего потенциала. Но способна ли сейчас эта грозная сила спасти их дом? Последователи Змея в безумном раже бежали на стрелы и проливающееся со стен раскаленное масло. Опережая свой убогий таран, они своими окаменелыми головами готовы были ломать ворота, а вьющееся точечками тело существа, казалось, тянулось до самого горизонта. Если бы только Анна могла помочь. Но насколько велик риск? Сестра медленно подошла к брату, отрывая того от раздумий. Уткнувшись носом в его плечо, она начала что-то тихо напевать. Ей было все равно на то, что происходит вокруг.

– Двадцать лет мы строили эту крепость и надежно защищали запад, – начал Рикард. – Я сам, своими собственными руками, клал эти проклятые камни, а Мара засеивала поля. Потому что в те времена мало кто осмеливался отправиться напрямиком на рубеж, так близко к границе с этими фанатиками, что тогда еще были заняты сами собой и пустынной ведьмой. Пойми, сын, мы с матерью вложили душу в эти чертовы черные стены. Замок – вся наша жизнь, и, если ты считаешь, что мы сможем просто так сбежать, то это больше похоже на оскорбление. Когда-нибудь ты поймешь, почему мы поступаем именно так, но я надеюсь всем своим сердцем, что тебе никогда не удастся утратить то, что ты должен был оберегать ценой собственной жизни. – Князь надел на себя величественный шлем и, взяв в руки огромный зазубренный двуручный меч, предстал во всем своем разительном великолепии. Мара расположилась рядом со своим мужем, а позади них в мрачном безмолвии застыли трое оставшихся, уже закованных в броню, преданных дружинников. Среди них был даже вечно недовольный интендант, никогда не нравившийся молодому наследнику.

– Отец... – проговорил Ворон, чувствуя, как глаза его жгут норовящие высвободиться слезы. Сейчас он даже завидовал невозмутимой матери, понимая, что и чувство боли ей тоже было неведомо.

– Я научил тебя читать карту, ты умеешь ездить верхом и владеть мечом. Ты мой сын, и у тебя есть все необходимое для того, чтобы повторить мой путь и не делать глупых ошибок. А теперь иди. Бери нужные вещи и используй проход. Я бы не хотел, чтобы Анна пострадала. – Рикард осмотрел детей в последний раз и наконец добавил: – Но запомни, это очень важно. Даже не пытайся сунуться в обреченную столицу. Только на севере для тебя отыщется возможность выжить и обрести должное величие.

Недолгое прикосновение к плечу холодной и невыносимо тяжелой металлической перчаткой, и отец в сопровождении своих людей громкой железной поступью направился к две-

рям, ведущим прочь из княжеского зала. Мать ненадолго задержалась, бесчувственно поцеловала Анну в затылок и обратила мимолетный взор на своего сына.

Этот взгляд. Он еще долго будет терзать его душу.

В те доли секунды, казалось, что сам мир вдруг остановился. Зрачок Мары дрогнул, и Ворон оцепенел, теряя дар речи. На сущее мгновение ему показалось, что в равнодушных безучастных глазах впервые за долгие годы возникло мелькнувшее чувство искренней материнской любви.

Глава III

Ей было достаточно поднять взор на серое зимнее небо, чтобы увидеть эти бесформенные потоки, напоминающие причудливые воды призрачной реки. Не повинуюсь каким-либо известным материальным законам, эта замысловатая энергия не была доступна простому взгляду, и заметить ее мог только тот человек, чья душа по какой-то причине пылала красным огнем. В отличие от многих других людей, впусивших в себя магию добровольно, Анна попросту не имела никакого выбора. С самого рождения прозрачные и едва уловимые для восприятия бесплотные облака окружали ее, и пламенная природа девочки невольно тянулась к ним, отчаянно желая пропустить их через свою сущность и позволить истинному естеству проявить себя.

Уже в раннем детстве Анна могла повелевать немислимой огненной мощью, и в шесть лет ее поразительный дар, к величайшему удивлению, превосходил даже самых могущественных чародеев Ордена Рубинового Пламени. Мать, в силу своих возможностей, конечно же, была довольна подобным результатом, но ровно до тех пор, пока ее дочь не стала представлять смертельную опасность не только для окружающих, но и для самой себя. Бездумно хватая из эфира основу для пылкой эссенции, она теряла контроль над собой, и неуправляемое красное пламя, бесконтрольно высвобожденное благодаря способностям Анны, стало причиной множества горьких смертей и масштабных пожаров. Девочка была истинным олицетворением феникса, что красовался на родовом символе семьи Ормус, но ее губительный талант несколько раз едва ли не стоил ей жизни.

С самого рождения Анны отец с матерью старались уберечь ее от бед: со всех уголков государства они созывали самых искусных целителей и магов, любой ценой пытались сохранить ее измученное сознание от еще больших потрясений.

Сквозь нерушимую толщу деменции Маре все-таки удалось внушить своей дочери, что ей нужно избегать губительной силы, витающей вокруг. Обычный маг мог совладать с ней, и, пропуская через себя, разить противников убийственным шквалом испепеляющего пламени, но Анна была слишком уязвима даже для самых скромных проявлений своей силы. С каждой новой попыткой воспламенить магические потоки ее слабый разум раскалывался на все большее количество осколков, и невыразимая боль поражала многострадальную огненную душу.

Те скорбные и злые мгновения, когда установленный барьер все-таки рушился, и девочка непреднамеренно хватывалась за прозрачные волны, струящиеся вокруг, запоминались на долгие годы. Оглушительными взрывами, уничтожающими целые хвойные чащи, и столбами пламени, окрашивающими само небо в багровый цвет, отпечатывались они в памяти горожан Лорднаса. Подобные события вызывали гордость у друзей и страх у врагов, но в итоге не смогли уберечь от неминуемой угрозы. Западный рубеж Королевства, казавшийся незыблемым, пал под напором колоссальной живой силы, и в раздираемую бедами страну пробралась губительная хворь.

Сколько времени понадобится, прежде чем фанатики проберутся через запутанные леса и доберутся до столицы? Никто этого не знал. Привыкшее к незначительным внутренним раздорам и позабывшее зрелище рек крови Королевство ждало по-настоящему нелегкие времена, и именно поэтому Рикард сказал своему сыну бежать далеко на север.

Ныне Ворон был разбит окончательно. Ему особо сильно не хватало сейчас отеческого совета и даже постоянно равнодушного взгляда матери. В глазах его поселилась задумчивость, и мыслями своими он был далеко от этой бесконечной заснеженной степи. Он вновь и вновь прокручивал в голове случившееся две недели назад, надеясь, хотя бы в своих грезах, отыскать выход из той роковой ситуации. Ненависть ко всему миру пустила корни в его сердце, и он вновь и вновь наивно представлял, как бок о бок с отцом размахивает своим мечом, стараясь убить как можно больше злосчастных врагов. Ему страшно хотелось крови и возмез-

дия, а упрямый характер расплывал его все больше, не позволяя смириться со случившимся. Разумеется, любой человек на его месте рассыпался бы проклятьями и гневом от подобной безысходности, но Ворон особо чувствительно воспринимал ситуацию – он никогда и ни с кем не искал компромиссов, а пылкая природа его была не слабей всякого первородного рубинового пламени, таящегося в хрупкой душе сестры.

Близнецы шли еще очень долго, пока, наконец, перед их взором не показалась цель всего затянувшегося скитания – Кленохлад. Этот неприветливый город, окруженный ослабшими и обмерзлыми елями, был скорей всего похож на поломанное колесо телеги, небрежно брошенное возле кромки леса. Часть его обода была словно выдернута кем-то, и поэтому округлая форма поселения была испорчена своеобразной впадиной. Дома-спицы были разделены ровными улочками, и все они вели к центру, где располагалась самая высокая постройка – покосившаяся каменная ратуша с огромным круглым окном на самой своей верхушке.

Ворон вздохнул, чувствуя в своей душе отголоски радости, что отчасти рассекли его недовольство и злобу. Представший перед ним и его сестрой город был их новой жизнью и последним мерклым шансом спастись из терпящего крах Королевства. Решительно взяв витающую в облаках сестру за руку, он уверенно направился вперед, намереваясь поскорей получить хоть какой-нибудь кров и пищу. Ныне его не смущал тот факт, что это скромное поселение было выстроено из какого-то скудельного камня и досок. После черных замковых камней родного Лорднаса и нерушимых дубов, не уступающих своей твердостью стали, все остальные материалы невольно казались какой-то жалкой глиной и ветками. Но наследник даже не думал демонстрировать какую-то королевскую манерность. Эта черта была явно ему не присуща.

Подойдя ближе, Ворон к великой неожиданности увидел десятки людей, сгрудившихся возле запертых главных ворот. Беженцы? Юноша не обнаружил лиц, которые могли ему показаться знакомыми, и сделал неутешительный вывод, что паника и страх перед войной уже успели перекинуться на соседние регионы, словно лесной пожар. Острый слух уловил беспкойные обрывки фраз судачивших между собой мужчин и женщин. Все они крепко держались за поводья своих ослов и коней, поглядывая на прибывшую пару и изображение пламенной птицы на их черных одеяниях. Во многих взорах виднелось почтение, смешанное с сожалением – многие слышали про славных хранителей западного рубежа.

Но кое-кто явно был недоволен тем, что они находились здесь, а не сложили головы в той predeterminedной резне.

– Какого черта ты делаешь здесь, трусливая псина? – послышался разъяренный женский голос. Ворон оглянулся, обнаруживая девушку, резко выпрыгнувшую из деревянной кареты весьма грубой и аляповатой работы. Запряженная двумя лошадьми, она словно пыталась выглядеть как можно дороже – декоративная металлическая оковка и некое подобие узоров были выполнены небрежно, и владелица транспорта в вычурном малиновом платье явно хотела прыгнуть выше своей головы, пытаясь продемонстрировать свое превосходство над другими. – Почему я вынуждена бежать сюда из-за того что твой тупой повелитель не способен удержать какой-то сумасшедший сброд?

Оторопелый Ворон несколько мгновений молчаливо взирал на девушку, пытаясь понять, действительно ли слух не подводит его. Десятки людей, столпившихся возле ворот мигом замолкли, осторожно расступаясь и удивленно взирая на происходящее. Донесся сбивчивый и угрожающий лязг стали – юноша без всяческих церемоний обнажил свой меч, и его сверкающее лезвие блеснуло в редких лучах тусклого солнца. Кровь, похоже, серьезно ударила в голову Ворона, затмив все здравые мысли, и пламенная ярость охватила тело с ног до головы, требуя только одного – выпустить накопившийся за все это время пар. Ему было не важно, кто предстал перед ним сейчас, принципиальны были лишь произнесенные невежественной девушкой слова. Они задели его душу и превратили даму в малиновом платье в объект для отрады за все

эти полные переживаний дни. Сама того не ведая, она стала злополучным маленьким вполухом, за которым последовал неминуемый оглушительный взрыв.

– Братец? – тихо промолвила Анна, взирая на то, как сорвавшийся брат отпрянул от нее, самозабвенно мчась напрямик на безоружную жертву. Очередная неукротимая вспышка гнева не кончится ничем хорошим, но хрупкой сестре оставалось только наивно протянуть к нему свои руки, напуганно посмотрев в удаляющуюся спину.

Девушка, что до этого сыпала недовольствами и обвинениями, тут же растеряла весь свой пыл и, закричав, запрыгнула в свою карету, торопливо закрывая дверцу. Меньше всего она ожидала, что парень беззвучно накинется на нее, словно какая-то бешеная собака, спущенная с цепи. Ворон же с неукротимым гневом рубил проход, всерьез намереваясь добраться до девушки. Престарелый кучер пытался как-то остановить разбушевавшегося воина, но, получив локтем по лицу, мигом завалился на снег, пытаясь отползти подальше от безумца. Отчаянные крики о помощи доносились изнутри кареты, и душераздирающая истерика девушки тревожила душу всех окружающих. Она молила о спасении, но никто не рискнул приблизиться к обезумевшему юноше, который в кровожадном порыве превращал карету в груды бесформенных щепок. Но когда Ворон практически уже добрался до своей цели и увидел через проделанную дыру задыхающуюся от слез и страха девушку с растрепанными волосами, его меч вместо досок соприкоснулся со сталью.

– С нее достаточно, – донесся возле юноши грубый мужской голос. Вместо ничтожного зрелища рыдающей девы, перед ним возник чей-то увесистый клеймор, заблокировавший его оружие. Посмотрев направо, Ворон увидел незнакомого мужчину с короткими, но кудрявыми светлыми волосами. Его тон стал чуть тише, и он добавил: – Род Ормус славится своей ответственностью, но на твоей родине не оценили бы такие бездумные срывы на глупых девочках.

– Я сам решу, когда будет достаточно, – раздался незамедлительный, но отчасти неуверенный ответ, и Ворон отпрянул назад, рассматривая незнакомца. На вид ему было чуть больше сорока лет. Он отличался довольно крепким телосложением, но тускло-голубые глаза его были исполнены какой-то колоссальной печалью. Этот трагический вселенский холод во взгляде даже остудил пыл Ворона, заставив его ненадолго смутиться.

– Я знаю. Но позволь мне попросить тебя прекратить. Твоя сестра, кажется, напугана. Давай мы не будем усугублять ситуацию и пройдем в теплую ратушу Кленохлада? – позволить попросить. Сестра напугана. Теплая ратуша. Этот незнакомец словно знал все уязвимости и пути к душе Ворона, проворно пользуясь ими. Это было странным, но, хмыкнув, юноша остепенился и убрал свой клинок в ножны. Оглянувшись на Анну, он увидел слезы, стекающие с ее изумрудных глаз.

– Успокойся, – виновато проговорил он сестре, хватая ее руку. Чувствительная к происходящему вокруг, она была напугана не меньше той захлебывающейся в слезах жалкой девицы. Кучер, что раньше благоразумно предпочел не вмешиваться, теперь пытался утихомирить свою хозяйку. На его кафтане можно было разглядеть отличительный символ Вларста объясняющий причину такого малодушия. Бедный, раздробленный на крошечные части регион, граничащий со столицей и Лордناسом одновременно. Это был край запутанных ясеневых лесов, болот и невежественных людей, цепляющихся за любую ниточку, ведущую к дворянству. Оно было им нужно, чтобы притеснять остальных. Только вот едва страна начала рассыпаться, как они принялись искать новое гнездо. И эта самоуверенная и дерзкая девушка была лишь самым первым гостем на жестоком севере. Но был ли Ворон чем-то лучше них? Для всех он действительно выглядел как какой-то трус. Ради чего он сбежал, а не умер там? Чтобы также жалко хвататься за жизнь? Чтобы спасти сестру? Наследие? Ворон до сих пор задавался этими вопросами, так и не способный отыскать должного ответа.

Вместе с незнакомым мужчиной Ворон и Анна вошли в Кленохлад. Некоторые, сторонясь буйного юноши, негромко выражали свое недовольство касательно того, что он слишком

легко получил билет внутрь. Другие же хвалили его, радуясь тому, что таким варварским способом он поставил на место недовольную всем знатную девицу из Вларста.

Глава IV

Небо медленно становилось фиолетовым – на мир неторопливо опускалась очередная ночь. Из еще различных облаков на землю беззаботно падали белые хлопья снега, и нашедшие пристанище у городских ворот люди искренне радовались ему, как никогда раньше, ибо холод значил теперь слишком многое. Жители Королевства, а уж тем более северяне, способны были перенести студёные морозы, но хватчики, которые выросли на жарком западе, никогда не видели ничего, кроме знойной жары и бескрайних песков. Уязвимые к свирепому холоду, они скорей всего погибнут, если в порыве своей слепой одержимости осмелятся ступить на неприветливые земли вечной зимы.

Похоже, слухи о единственной возможности спасти свою шкуру разбежались по стране с огромной скоростью. Стоило только западному рубежу пасть, как весть о неостановимой беде распространилась на все остальные пять регионов, повсеместно сея панику и подкашивая обороноспособность и без того подавленного государства. Привычка к беззаботному миру и уверенность в собственной защищенности сделала большинство областей абсолютно беспомощными, и теперь, когда через образовавшуюся пробоину основательно хлестала губительная вода, не оставалось ничего, кроме как смириться с безрадостной участью, или же из последних сил отчаянно цепляться за свою жизнь, убегая прочь из родных земель.

Город был готов к тому, что к его вратам придут беженцы. Плача и проклиная все на свете, они коченели возле стен, надеясь, что князь Кленохлада проявит милость и впустит их внутрь. Тот же, стоя напротив охваченного морозными узорами окна своей высокой башни, задумчивым и сомневающимся взглядом рассматривал прибывающие издали точки, столь похожие с такой высоты на каких-то жалких муравьев. Кто помнил о его городе в безоблачные и мирные времена? Никто. Эта дыра среди снега и льда всегда пользовалась дурной репутацией и, в отличие от каждого клочка плодородной земли Королевства, никому ровным счетом не была нужна. Кленохлад всегда был независимым уголком, но за это подчас приходилось дорого платить. Отчаявшиеся люди, жившие здесь, всегда сетовали на голод и тяжелую долю и, зачастую не выдерживая несладких условий, пытались отыскать для себя новой жизни. Часть из них, наивно желая безоблачного существования, отправлялась в злополучный Вларст – унижаться и прислуживать расплодившейся, подобно грибам после дождя, знати. Некоторые же, кто особо ценил свою свободу и верил в чудеса, махнув рукой на все, безвозвратно отправлялись еще глубже на север. Туда, где среди звенящей тиши заснеженных чащоб обитали древние и непостижимые племена Ищущих. По легендам они жили бок о бок с полубогами и старались посвятить всю свою жизнь бесконечному празднеству.

Но Гретир с завидным упорством не желал верить в сказочные легенды и всем своим сердцем ненавидел абсолютно любых богов. Поданные могли воочию лицезреть, как, будучи единственным наследником, он законно заполучил бразды правления Кленохладом, принимаясь устанавливать абсолютно новый порядок и намереваясь превратить увядающее и жалкое северное поселение в процветающий город, которым искренне можно было бы гордиться.

И, с точки зрения обычного обывателя, не ведающего всей подоплеки происходящего, у него это получалось. За несколько лет он сумел восстановить развалившиеся от старости стены при помощи какого-то загадочного раствора, увеличить в несколько раз поголовье скота и предпринять несколько по-настоящему революционных шагов, которые повысили качество жизни и заставили людей поверить в своего нынешнего угрюмого лидера.

Но мало кто знал, что практически все заслуги Гретира на самом деле принадлежали вовсе не ему. Вечно хандрящий, опечаленный и витающий в своих мыслях лидер не только был слабым и безнадежным правителем, но, ко всему прочему, даже не знал древнего рунного языка – сложной письменности, используемой в существенной части трактатов, предназна-

ченных для княжеского ума. Любые его затеи терпели безоговорочный провал, лишь сильнее ввергая его в пучину нескончаемых самоосуждений и неуверенности. Не предрасположенный к властвованию, он был подобен незрячему волчьему детенышу, бредущему среди бескрайних зарослей терна, где каждый неудачный шаг его сулил очередную болезненную ошибку.

Гретир давно был сломлен, и масштабы его внутренней слепоты вынуждали его действовать наугад. Не ведая как именно, он упорно старался походить хотя бы на мерклую тень лидера, в глубине своей души не чувствуя ничего, кроме горькой пустоты и какой-то немислимой вечной скорби.

Все самые успешные ходы были высказаны и предугаданы тем самым мужчиной с короткими кудрявыми волосами и усталыми глазами по имени Магнус. Тем, который вел к ратуше юношу и девушку в приметных черных одеяниях. Глядя на это со своей башни, владыка Кленохлада поморщился. Он вновь почувствовал себя недалновидным, и ему явно не нравилось это мерзкое чувство какой-то гнетущей неясности внутри себя. Все эти успешно подсказанные идеи, удивительная прозорливость и странные действия Магнуса невольно вызывали подозрительность. Да, этот человек был незаменим в вопросе управления городом, но его изворотливость и хитрость наталкивала на совершенно иные, более настораживающие и колкие мысли. Вопреки всему, Гретир почему-то отчаянно боялся утратить вверенное ему предками лидерство, а учитывая то, что один из приближенных превосходит его по остроте ума в несколько раз, надуманная проблема вполне себе обретала более серьезное значение. К тому же Магнус, как назло, отказался от приставленного Гретиром проверенного напарника, указывая на то, что ему нужен «человек, на которого лично он сможет положиться». И неужели этот самый заветный человек шел сейчас рядом с ним, направляясь к ратуше?

Глава V

Они всегда были неделимым целым. Родившись в один день, они всю свою жизнь провели рядом друг с другом, и Ворон не мог вообразить человека более близкого для себя, нежели чем Анна. Подчас ему было сложно признаться в этом или сказать в открытую, но в сущности его отчетливо присутствовал неоспоримый факт бесконечной любви к своей странной сестре. В далеком детстве он достаточно часто не понимал, почему вокруг нее то и дело каждый день кружатся новые незнакомые люди. Не унаследовав дара управления красным пламенем, мальчик мог только лишь наблюдать со стороны, как приходящие целители и маги донимали Анну вечными экспериментами и травили всевозможными дурно пахнущими зельями. А хуже всего было то, что они отнимали драгоценное время, которое можно было бы потратить на игры и сказки. Он до сих пор помнил ту бесследно исчезнувшую книгу с историей о небесном кузнеце, написанную изящным шрифтом и снабженную поразительными картинками – бесценный подарок, прибывший прямым из столицы.

Так или иначе, ни у одного нанятого родителями человека не получалось достучаться до разума и сердца слабоумной девушки так, как у родного брата. Между ними, несомненно, существовала какая-то непостижимая связь, и незримыми нитями они были сплетены между собой с самого своего рождения. Разорвать подобные узы было попросту невозможно, ибо любая попытка разобщить близнецов тягостно терзала их души. Когда Рикард и Мара осознали, что все их усилия абсолютно тщетны, они сошлись в едином мнении – стараться больше никогда не разделять своих детей даже на день, ибо только так получалось обуздать бесконтрольную мощь девочки лучше всего. Анна отныне всегда ходила за Вороном, присутствовала на тренировках и слушала монотонные рассказы гувернеров о несчетных исторических событиях. Несколько долгих и счастливых лет прошли без катастроф, и иногда Лорднас забывал, что за колоссальная сила таится за могущественными стенами чернокаменного замка.

Три фигуры шли по одной из прямых улочек Кленохлада, неумело мощенных булыжниками непропорционально разных размеров. Двое из них неторопливо о чем-то беседовали, а девушка, с объатыми туманом глазами, устало плелась за ними, понуриив голову.

– Их слишком много. Непомерное количество. Они были похожи на какую-то человеческую реку, и их вопли нескончаемым эхом слышались по всем замковым коридорам, – рассказывал Ворон своему новому знакомому. Взор его заинтересованно сновал по округе, примечая неприветливые взгляды горожан и покосившиеся от влаги и старости деревянные срубы. На уличных скамьях сидели опечаленные старики, а под одним из навесов истомлено работал кузнец, нерасторопно взмахивая своим увесистым молотом. Этот город был будто объят какой-то отягощающей и заразной серой дремой.

– Ты поступил мудро, что не остался там. Я понимаю, насколько гадко ты ощущаешь себя теперь, но уясни одну важную вещь – наследник рода должен остаться в живых, – ответил Магнус. Он изредка поглядывал на своих спутников, но большую часть времени неотрывно глядел на ратушу, высящуюся по центру города. Одно из массивных стекол, на самой верхушке, привлекало особое внимание.

– Это не очень утешает, – юноша покачал головой. – Отец сказал не соваться в столицу, но я до сих пор не понимаю, почему мы все вместе просто не отправились туда. Разве не там будет собираться армия со всего Королевства, чтобы дать отпор врагам?

– Не верю, что ты не знаешь истинного ответа, Ворон. Ты хочешь, чтобы я подтвердил твои предположения, верно? Те самые, которые ты опасаясь высказать, – тускло улыбнувшись, произнес Магнус. – Даже я, прозябая на севере, прекрасно знаю, что столица представляет собой не больше чем красивый замок, изображенный умелым художником. Янтарный

Обруч – та самая грандиозная стена и великое архитектурное чудо, окружающее Аванкрон, слишком хрупок для реальной войны. Как произведение искусства, сияющее в лучах солнца – пожалуйста. Но в действительности, прекрасная золотистая преграда больше походит на воск, нежели чем на крепкое непроходимое препятствие. А теперь о славных рыцарях, что придут по зову короля со всех уголков страны. Однист – неорганизованное и запущенное болото, где с попустительства правителя уже давно царствуют преступники. Вларст напоминает бесполезное, разбитое на крошечные ненавидящие друг друга осколки зеркала, а Богье до сих пор не оправился от морских эпидемий. Что остается? Лорндас и Рубежье – два пограничных города, раскинувшихся на западе и востоке. Вот только первый, к великому сожалению, пал, а второй населяют рыцари-старики. Они, конечно, очень воинственные и доблестные, но не способны будут защитить все ваше государство.

– Не может быть все настолько плохо, – Ворон задумчиво опустил взор вниз.

– Может. Если вместе с отцом ты принимал и выслушивал послов, то наверняка знаешь все сам. Князь Лорднаса был очень благородным и умным человеком, поэтому не сомневайся в правильности его решений. Ты должен быть здесь.

– Возможно, это действительно так, – согласился юноша, чувствуя, наконец, некоторое облегчение внутри себя. – Но куда ты нас ведешь? – затем добавил он, решив, наконец, поинтересоваться, что будет дальше.

– Как ты мог видеть, Ворон, очень много людей сейчас хотят оказаться за стенами Кленохлада и почувствовать себя хотя бы в относительной безопасности, – Магнус остановился. До ратуши оставалось совсем немного. – Мы были готовы к такому исходу, но выбрать придется только самых достойных из всех пришедших. Сейчас нам сильно нужны строители с крепкими руками, знахари и, конечно же, воины. Ты очень ценный человек. В тебе течет кровь рода Ормус, и это уже говорит о многом. Я хочу дать тебе работу, Ворон.

– И в чем же она будет заключаться? – нахмурившись, уточнил юноша. Он точно знал, что ему придется что-то делать в новом месте, но перспектива отлучиться от сестры вызывала сильное беспокойство.

– Напарник, если тебе так будет угодно. Мне необходим кто-то, на кого я смогу полностью положиться. Редкие вылазки в лес, плюс небольшие дела в городе – я не буду требовать от тебя чего-то невозможного.

– Анна. Я не могу оставить свою сестру в одиночестве, – сказал Ворон. Возможно, человек, который стоял перед ним, еще не понимал всей сложности ситуации. – У меня есть серебро. Может, есть какие-нибудь другие пути остаться здесь?

– Ты должен помнить, что на севере деньги не особо воспринимают всерьез. Нам нужны поступки. Особенно в такие тяжелые времена, – казалось, что Магнус пытался придать некое сочувствие своему тону. – Я смогу обеспечить тебя и твою сестру комнатой в главной княжеской башне. Если ты опасаясь за нее, я постараюсь сделать все, чтобы ты был уверен в ее абсолютной безопасности.

На лице Ворона проскользнула задумчивость. Он вздохнул и посмотрел на свою сестру, которая какими-то жалобными глазами неотрывно взирала на него. Ее голова была наклонена вбок, и юноша ощущал, что она хочет что-то сказать.

– Братик, мне нужно побыть одной? Я могу, – наконец тихо промолвила она, застенчиво утыкаясь лбом в его наплечник.

– Путь твоего отца был выстлан сложными решениями, – для пущей убедительности напомнил Магнус, ожидая решающего ответа.

– Полагаю, что у меня нет выбора, – признал Ворон, сжимая в своей руке холодные пальцы сестры. После долгих блужданий по зимней пустоши им обоим нужно было выпить чего-то горячего и как можно скорей.

– Я бы очень хотел сказать, что выбор есть всегда, но, к сожалению, это будет наглой ложью, – печально подытожил мужчина, поворачиваясь в сторону входа в главное здания Кленохлада.

– Почему именно я? Ведь у ворот целая куча людей, которые со щенячьими глазами готовы были бы служить тебе.

– Не думай, что каждого человека можно заменить. Ты веришь в судьбу, Ворон?

– После того, что произошло с нашим замком, у меня какое-то отторжение к высшим силам, – печально поделился юноша, подходя к двустворчатой двери. Ему больше хотелось грезить об ожидающем его прогревом прибежище, нежели чем о какой-то мистической предопределенности.

– Полагаю, это поможет тебе найти общий язык с князем. У него достаточно мрачный нрав, особенно когда дело касается чего-то запредельного.

После стольких дней утомительной езды и бесконечных блужданий среди промерзлых рощ было истинным блаженством попасть в прогретое и уютное помещение, надежно огороженное от злых северных ветров. Никакие встречающиеся на пути обветшалые таверны с грязными кроватями и пещеры с постоянно гаснущим костром не способны были сравниться с просторным залом ратуши, где в двух каминах ярко и сильно пылало оранжевое пламя, со звучным треском окутывая неистовыми огненными языками громадные бревна.

У Ворона свело дыхание от сладостного чувства вожденной теплоты, которое вдруг принялось охватывать его тело. Осторожно пробираясь через оледенелый доспех и касаясь замерзшей кожи, спасительный пыл двигался дальше – к самому сердцу. Кровь, которая за время долгого странствия словно превратилась в талую воду, медленно начала оттаивать, разнося по жилам благодатное чувство какого-то удивительного наслаждения.

Магнус приказал принести гостям теплого питья, после чего подошел к Ворону, который самозабвенно примкнул к камину с бушующим внутри пламенем.

– Я смотрю, твоя сестра намного легче переносит морозы, – кивнул мужчина в сторону Анны, которая спокойно стояла в отдалении, при этом бессмысленно обратив пустой взгляд в каменную стену.

Хоть Анна уже и долгое время не использовала свою магию, огненная сущность, похоже, немного согревала ее изнутри. Ворон едва заметно нахмурился, задумываясь о том, стоит ли делиться с этим человеком информацией касательно разрушительной природы его сестры. Знает ли он о тех слухах, что принялись распространяться после парочки бедствий, обрушившихся на Лорднас и случившихся из-за потерянного девочкой контроля? Вряд ли до северян могли дойти эти не особо значимые вести, и поэтому лишних вещей им знать необязательно. Так будет лучше, прежде всего для сестры. Ведь, в конце концов, на всем белом свете можно было отыскать не больше двадцати огненных магов.

– Я переел зимнего крыжовника, – пробормотал юноша. – Те последние два дня, как мы вошли в холодные земли, не попадалось ничего, кроме этой дряни.

– Все равно что пить воду из решета, – с натянутой улыбкой ответил Магнус, кивнув и переводя взор с Ворона на Анну. – Но не забывай – мы должны попытаться научиться доверять друг другу.

– Я помню это, – заверил юноша, поднимаясь на ноги и взирая на широкую лестницу, что вела наверх. Когда первый ряд ступенек кончался, по бокам возникали еще две лестницы поуже, направленные в противоположную сторону. – Я готов представиться князю.

Глава VI

Помещение, где располагался владыка этих земель, не было таким же громадным, как холл, но тоже могло впечатлить своим простором и помпезностью – с каменных стен свисали темно-красные гобелены, поблескивали по краям высокие подсвечники, и таились за декоративными витринами красивые мечи, копья и арбалеты. Огромное круглое окно с морозными узорами на стекле располагалось по самому центру – днем из него можно было увидеть не только город, но и все близлежащие окрестности, раскинувшиеся под сенью северных небес. Ниже громадного ока ратуши стоял тяжелый, но не лишенный изящества широкий стол, над которым и возвышалась фигура князя. Холодным и неприветливым взглядом он смерил прибывших гостей, после чего неторопливо и важно подошел ближе. В потемках можно было увидеть еще три мрачных силуэта, расположившихся за столом, но они предпочли лишь безмолвно повернуть свои головы, подобно каким-то таинственным, томно наблюдающим теням.

– Мое имя Гретир. Как вы уже наверняка знаете, я являюсь законным князем Кленохлада, – скупно проговорил подошедший мужчина. Из-за слишком выразительных черт лица на вид ему было более пятидесяти лет, а глубоко посаженные серые глаза почему-то походили на неброскую и скудельную сталь заурядного солдатского клинка. Одежания его были почти один в один, как и у Магнуса: плотный утепленный камзол багрового цвета, с высоким, окружающим шею воротником, аметистовые штаны и высокие серые сапоги, постепенно переходящие в железные наколенники. Сталь также виднелась и на локтях с плечами – покрытые клепками округленные пластины наверняка даровали скромную защиту, не лишая при этом маневренности.

– Я Ворон из рода Ормус, сын Рикарда, являвшегося правителем Лорднаса, – ответил юноша, сжимая руку сестры крепче и вглядываясь в равнодушные серые очи. Он знал, что потаенные эмоции и мысли князя прочесть, видимо, будет невозможно, но ему было по-детски интересно распознать хотя бы обрывок какого-нибудь чувства, кроме пренебрежения. – Рядом со мной моя сестра по имени Анна, – Ворон ненадолго замолчал. Сейчас ему придется вновь коснуться той темы, которую он ненавидел всем сердцем. Он будет вынужден в очередной раз признаться в собственной трусости. Отведя взор в сторону сидящих в полумраке безликих людей, парень, наконец, решился произнести те самые заветные слова. – Мы вынуждены искать пристанище на севере.

Воцарилась недолгая пауза, позволившая прочувствовать ощущаемое в зале уютное спокойствие и различить воющий за окном ветер, придающий соответствующего контраста. Его холодные порывы не способны были преодолеть здешних стен.

– Мне жаль, что так вышло с вашим родным домом, – не особо заинтересованно промолвил Гретир. Он отчужденно осмотрел лица своих гостей и их одежания, словно сделав из этого какой-то вывод. Затем, чуть прищурившись, он повернулся в сторону Магнуса. – Но в ближайшее время никому не будет хорошо, особенно всем нам. Полагаю, мой наместник уже успел что-то предложить тебе?

– Да. Я буду рад, если мне найдется применение в этом славном городе, – сейчас Ворон чувствовал себя каким-то ненастоящим. Все эти любезности и длинные высокопарные речи явно были не для него: юноше, похоже, впервые в жизни приходилось выражать свое уважение не потому, что ему так хотелось, а потому, что так было нужно, чтобы угодить стоящему перед ним человеку. Хотя бы немного понравиться повелителю этого тележного колеса, небрежно брошенного каким-то исполином среди бесконечного холодного леса и снежной пустыни. Ведь, если этого не удастся, куда им еще остается идти?

– Подождите, подождите, – донесся из полумрака чей-то тонкий женский голос. – Магнус, ты что, берешь его с собой вместо меня?

Искажая свои очертания, непроницаемые тени вдруг зашевелились. Взгляд Ворона, постепенно привыкший к мерклому освящению, сумел разобрать лицо вынырнувшей из мрака девицы, что вдруг направилась к расположившейся в свете свечей четверке. На незнакомке была все та же привычная легкая броня багрового и аметистового цвета с несколькими железными пластинами. А вот волосы, обрамляющие почти детское личико, даже уставшего от перехода и малоприятного разговора Ворона заставили вскинуть бровь: темные лишь у самого основания, дальше они отдавали пестрой краснотой, словно когда-то их небрежно окунули в кровь или какую-то неведомую стойкую краску.

– Алетта, не сейчас, – проговорил с искрой недовольства Гретир, едва хмурия лоб. Неужели наконец проявил хоть какую-то эмоцию?

– Я просто не понимаю. Сколько уже времени я прошу дать мне возможность выйти в леса? А наш главный охотник на Ищущих вдруг берет себе в напарники этого... – окинув взором многозначительное лицо Ворона, девушка обиженно сложила руки на груди, пытаясь подобрать слово помягче. – Проходящего мимо человека?

– Алетта, сядь на место. Я не буду просить второй раз, – потребовал Гретир более громко и бросил на строптивную девицу свой холодный взор. Та с явным недовольством хмыкнула, но, поубавив своего негодования, подчинилась, отдаляясь обратно к тяжеленному столу.

– Я понимаю ее чувства, – Магнус наконец заговорил. Негромкий тон его, кажется, специально был таковым, дабы слова не донеслись до раздосадованной Алетты и соседствующих с ней других теней. – Но так будет лучше, поверь мне. Я знаю, сейчас наверняка есть масса причин сомневаться в моем выборе, но ты должен довериться мне.

Гретир ощутил на себе тот самый взор, от которого ему всегда становилось не по себе. Эти пронизательные глаза словно смотрели в его спрятанную за недостижимыми стенами разбитую душу, явно давая понять, что все сложится благополучно. Так же, как и всегда. Но какому лидеру, желающему проявить хотя бы иллюзию твердости, понравится, когда к нему лезут внутрь? Когда решают за него и навязывают чужую волю? Слова Магнуса, как обычно, вызвали больше недовольства, но пропустить мимо ушей их было нельзя. Так показывало само время.

– Нужны видимые результаты. Ты ведь помнишь, что ты должен сделать завтра? Возьми парня вместе с собой. Пускай проявит себя, – теперь князь, кажется, совсем позабыл о Вороне, а уж тем более и об Анне, которая все это время безмолвно и практически недвижимо стояла рядом со своим братом, привычно уткнувшись в его плечо. Была ли она одним целым с ним? Или, скорей, просто незаметной тенью?

– Я ведь говорил, что те люди, расположившиеся возле лесов, не те, кто нам действительно нужен, – ответил Магнус.

– Мне вновь необходимо, как ты говоришь, довериться тебе? Довольно. Хватит на сегодня твоих загадочных советов. Тут и так очевидно, что подобные вещи допускать нельзя. Наша территория должна быть идеально чиста, и, раз я вижу зарождение даже самой скромной угрозы – я не закрою на это глаза. Я приказываю тебе. Разберись с ними. Раз и навсегда.

Магнус лишь кивнул в ответ.

– А сейчас покажи гостям их комнаты.

Глава VII

Темная и беспощадная северная ночь словно поглотила остатки волшебных фиолетовых облаков, заменяя их серым необъятным пологом. За скудной небесной рекой показывались сверкающие звезды, но бесцветное небесное течение то и дело перекрывало собой серебристые точки, категорично не позволяя насладиться их манящим блеском.

Как и было обещано, близнецам предоставили небольшую, но уютную комнату на одном из этажей великой ратуши. Находясь в самом конце коридора, она была защищена весьма прочной дубовой дверью, а внутри нее южных гостей ожидал горячий хвойный чай и полные тарелки ароматных яств. По левую сторону от входа вдоль стены располагались две одноместные кровати: добротнo устланные огромным количеством меховых одеял, их изголовья разделялись разве что небольшим столиком. Справа виднелся письменный стол с разложенным на нем пергаментом и несколькими ветхими книгами, а дальше, в согревающем оранжевом свете, горел камин, озаряя светом стойки для доспехов.

Ворон зашел внутрь, с легкой улыбкой осмотрев свое новое обиталище. Эта спокойная комната навевала ему воспоминания о родном доме, а приближение достойного горячего ужина и не менее теплой постели заставляли любые душевные беспокойства померкнуть. Он торопливо принялся высвобождать себя из черного металлического доспеха, и Анна, узрев это, протянула свои руки к многочисленным лямкам и ремешкам, намереваясь привычно помочь своему братцу скинуть с себя эту тяжеленную броню.

– Ты правда сможешь побыть без меня некоторое время? И ничего плохого не случится, да? – глядя на бушующие в камине пламенные всполохи, негромко спросил Ворон. Аппетит множил сладостный аромат покоящегося на столе приготовленного мяса, и сейчас, когда трапеза была неизбежна, хотелось прочувствовать все грани того самого близящегося мига.

– Наверное. Только не оставляй меня насовсем, – ответила сестра своим тихим и нежным голосом. – И принеси мне оттуда немного снега. Ты ведь пойдешь завтра на улицу, верно?

– Снег растает, если держать его в помещении. Почему же ты сама его не взяла? – стянув с себя кирасу и поручи, спросил Ворон. Волосы ниспадали ему на глаза, но он устало убрал их в сторону, потирая щеку.

– Тот, который видели мы – не считается. Я хочу тот снег, где был виден целый вихрь из этой надоедливой призрачной реки. Рано или поздно ты столкнешься с ней, ты знаешь? – продолжила Анна, осторожно возложив ладони на плечи своему брату и упершись лбом в его затылок. Наконец-то, кончики ее пальцев чувствовали ткань и телесное тепло, а не холодный равнодушный металл.

– Не представляю, в какую призрачную реку ты хочешь меня отправить, – юноша слегка покачал головой, сбросил с себя поножи и устался на легкую дымку, исходящую от мяса на тарелке. Ворон редко когда способен был понять запутанные и витиеватые речи сестры, и сейчас явно был не из тех случаев, когда ему удалось бы постичь тот самый заветный смысл. – Но, если хочешь, я постараюсь притащить тебе снег. Только не выходи отсюда никуда, хорошо? И не открывай никому. Что бы тебе ни говорили.

– Да, я буду как птичка в клетке. Помнишь того смеющегося человека, у которого была синяя птичка? Только вот я не синяя, а черная, – едва улыбаясь, Анна расставила свои руки в стороны, демонстрируя темную ткань своего длинного платья, больше похожего на какую-то рясу.

– Помню. Надеюсь, ты не подведешь меня, – произнес юноша, вспоминая любимого синекрылого питомца одного из замковых знахарей. – А теперь давай поедим и ляжем спать.

Но плотный ужин и тепло толстых мехов почему-то не подарили Ворону покоя. Судя по глубокому дыханию Анны, она уже давно видела тысячный сон, а вот к ее брату ночные

видения почему-то приходиться отказывались. Он беспокойно ворочался среди нескольких плотных одеял, никак не способный уснуть или даже сомкнуть век. После взвалившейся на него усталости, он рассчитывал, что изможденное тело его сразу же утихнет, а разум быстро померкнет, объятый узами благодатной дремоты. Но, почему-то, этого не происходило – организм, словно открывший в себе второе дыхание, неистово противился сну, и юноше не оставалось ничего, кроме как присесть на кровати, вслушиваясь в абсолютную ночную тишь. Бесцельно снующие по комнате глаза сначала разглядывали трещащие в камине бревна, а затем медленно переметнулись к находящейся рядом стене. На ее неровной каменной поверхности были сделаны практически незаметные надписи, не особо понятные для чужеземца. «Сияющий за Гранью ждет нас всех», – гласила одна из особо приметных строчек, «Кленохлад изуродован и слеп», – отмечала другая.

Когда и изучать чужие каракули стало слишком скучно, Ворон аккуратно надел на себя свои тяжеленные сапоги и, взглянув на спящую сестру, осторожно вышел за дверь их комнаты, стараясь приглушить свои дребезжащие шаги.

Словно долго этого ожидая, холодные северные ветра сразу же сомкнули на теле вышедшего из прогретого помещения юноши свои морозные клыки. Причина гуляющей по коридору стужи была очевидна – находящаяся рядом дверь, ведущая на один из балконов, была распахнута настежь. На нем, упираясь руками в парапет, одиноко стояла девушка. Услышав позади себя шум, она развернулась, показывая свое обрамленное кровавыми локонами недовольное лицо. Вдоль него, касаясь носа и щек, проходила прерывистая черта из блеклых веснушек.

– Что, смотрю, тебе не спится? – чуть щурясь, спросила она.

– Именно. А ты что тут бродишь?

– На звезды смотрю. Или их ты у меня тоже надумаешь забрать? – едкий тон множился с каждой выговоренной буквой, и Алетта привычно для себя сложила руки на груди.

– Я ничего у тебя не забирал, девочка. Я предлагал Магнусу деньги, но он настоял на том, чтобы именно я стал его помощником.

– Я не девочка! Черт. Мне двадцать. Понимаешь? Да я лучше тебя управляюсь с мечом! – щурясь еще сильнее, Алетта сделала несколько шагов к юноше, гневно сжимая ладони в кулаки. Правда, угрожающе эта картина не выглядела вовсе – раздраженная северянка была похожа на обиженное дитя.

– Не кричи здесь, – попросил Ворон, плотней затворяя дверь комнаты. Ему явно не хотелось, чтобы чьи-то вопли разбудили спящую сестру.

– Нужно больно, – с досадой проговорила Алетта, отворачиваясь и направляясь обратно к балкону. Облокотившись на парапет, она посмотрела на небо. – Забавно, что ты сам не знаешь, почему он выбрал именно тебя. Наверное, я должна тебе кое-что сказать. Ты просто не очень понимаешь, что здесь происходит, и, быть может, мой ненужный совет поможет тебе.

Вздыхнув, Ворон подошел ближе к девушке. Невзирая на пронизывающий тунику и плоть беспощадный ночной холод, он уверенно ступил на балкон, и перед ним предстала поразительная панорама: тысячи звезд мерцали с прекрасного черного неба, выстраивая причудливые созвездия. Коварные серые облака, словно по взмаху волшебной палочки, бесследно рассеялись, представляя абсолютно чистую и чарующую картину сплетенного из бесчисленных серебристых искр недостижимого небесного полотна. Сияние звезд отражалось в изумрудных глазах Ворона, и он, забыв о беспощадной стуже, самозабвенно вглядывался в россыпь завораживающих серебристых огоньков.

– Красиво, правда? – спросила Алетта. – Мне всегда казалось, что небо – это огромное сказочное зеркало. Люди проживают свои жизни, сетуя на то, что им недостает грез. Но ведь на самом деле они таятся совсем рядом. Достаточно лишь взглянуть вверх. Разве нет?

– В детстве мне очень нравилась книжка о небесном кузнеце, – задумчиво начал Ворон. – Рассказ об огромном невидимом титане, который кует солнце. Искры от его дневных трудов

настолько горячие и стойкие, что не гаснут до самого утра. Их свет не позволяют миру погрузиться в полную непроницаемую тьму.

– Похоже, теперь я хочу узнать всю эту историю целиком, – со вздохом поделилась девушка, после чего повернулась в сторону Ворона, пристально смотря в его изнуренные глаза. – Но многие считают, что это вездесущие очи всевидящих богов. Они неусыпно смотрят на людей, вот только я не понимаю, зачем им это.

– Затем же, зачем и твоя жизнь. Тебе ведь неизвестно, для чего ты находишься в этом мире? Каждая живая душа хотя бы раз задавала себе этот вопрос. Многие получали ответ, но шел он вовсе не оттуда, – юноша поднял взор на темную завесу с мириадами звезд. – Он шел изнутри самого человека. Мне кажется, что эти неизвестные боги, даже если они и есть, безмолвны и безучастны. И, когда весь мир разобьется вдребезги, они продолжат непоколебимо взирать на его мучительную агонию и гибель. Возможно, даже к лучшему, что мы все обречены на слепоту и незнание.

– Значит, таков зловещий замысел., – выдохнув облачко пара, согласилась девушка. – Но для меня это все равно будет темным зеркалом мечтаний.

– Как пожелаешь, – отведя взор от небесных искр, Ворон, хмуря брови, ответил на сосредоточенный и неотрывный взгляд своей собеседницы. – Ты хотела мне что-то сказать?

– Тот человек, с которым ты пойдешь завтра в северный лес. Я должна была следить за ним и понять, чего именно он добивается, – практически шепотом предостерегала Алетта. – Не верь ему. Никогда и ни за что не верь ни единому его слову.

Глава VIII

Утро было довольно холодным, и Ворон должен был покинуть стены города еще раньше, чем солнце начало тщетно пытаться прогреть своими первыми лучами отвердевшую от бесконечного холода землю. На пару с Магнусом они под покровом темноты вышли через малоприметные задние ворота и, спустившись по склону, направились в сторону таинственного северного леса. Их доспехи и одеяния обносило белыми хлопьями снега, и ветер, дувший в лицо, словно упорно желал отвадить их от приближения к заветной цели. Ворон успел тысячу раз проклясть всю эту затею, но в голове его вновь и вновь всплывали те вчерашние слова его нового спутника о том, что выбора у него нет. Быть может, все-таки стоило бы попробовать им с сестрой выжить самим? Возвести покосившуюся избушку ближе к границе с Королевством, где не так холодно, сделать себе лук из орешника для охоты да соорудить хоть какую-нибудь каменную печку? В грезах все это, конечно же, выглядело вполне себе целостно, но стоило юноше взяться за подобное – все валилось бы из рук. Без инструмента и опыта такие самонадеянные планы были не больше чем красивыми детскими мечтами, да и он сам, к счастью, понимал, что как бы сильно ему не хотелось быть полностью независимым – в нынешних условиях это было невозможно.

Мысли о вожаемой самостоятельности как-то медленно сменились раздумьями о безопасности Анны. Перед своим уходом Ворон несколько раз наглядно продемонстрировал, как ей необходимо будет подпереть крепкую дверь стойкой для доспехов, когда он уйдет. Девушка и так была должным образом заперта, но, так или иначе, Ворон считал, что дополнительные меры никогда не будут лишними. Он еще не знал, оберегает ли он сестру от незнакомого города, или же сам город от своей сестры, но перед самым уходом опрометчиво произнес судьбоносные слова, мысли насчет которых до сих пор не отпускали его разума. Глядя прямоком в ее невинные глаза, он напомнил ей о ее разрушительном таланте и сказал, что если кто-то посмеет приблизиться к ней или возжелает нанести вред, то она должна будет воспользоваться им. Без всяческих раздумий пропустить через себя витающую в воздухе призрачную энергию и, воплотив ее в несущее погибель рубиновое пламя, обратить в пепел всех тех, кто осмелится обидеть ее.

Перед внутренним взором почему-то сразу пронеслись полыхающие неостановимым и жадным огнем руины Кленохлада, и юноша покачал головой, надеясь, что до этого не дойдет.

– Может быть, у тебя есть какие-нибудь вопросы, Ворон? – голос Магнуса быстро развеял все мысли, и юноша вернулся в реальность, вновь отчетливо прочувствовав все грани северного мороза.

– Нет. Я прекрасно понял, что мне нужно стоять за твоей спиной и не вмешиваться. Я что-то вроде страховки.

– Не волнуйся. До драки даже не дойдет. Те люди не убийцы и не культисты, как считает князь. Будет тебе известно, он во многом заблуждается, и способы решения проблем у него достаточно поверхностные, – поглядывая на своего спутника, проговорил мужчина. Привыкший к холоду, он, похоже, вовсе не реагировал на низкую температуру и снег, то и дело летящий ему в лицо.

– Похоже, он был не особо рад моему прибытию, – отец Ворона всегда радушно встречал гостей и лекарей, а подобный скомканый и холодный разговор посреди мрачного помещения явно не внушал оптимизма. Можно было списать все на надвигающиеся тяжелые времена, но, если так приветствовали наследника Ормуса, страшно было представить, какой прием ждет остальных людей. Когда они с Магнусом еще выходили из города, можно было увидеть вдали огни костров и выросшие навесы возле стен – похоже, беженцев не торопились впускать внутрь.

– Я немного пустил под откос его планы. Он хотел всучить мне в помощники ту истеричную девчонку. Не самая лучшая перспектива, согласишься? – кажется, мужчина попытался усмехнуться. Юноша же тем временем вспоминал вчерашний разговор с Алеттой под россыпью звезд. Она была вспыльчива, но слова его спутника о том, что она истерична, как-то неприятно отдались в душе легким уколом. – Но самая главная беда в их желании следить за мной.

– Почему? – после недолгой паузы изрек Ворон. Он не нашел ничего лучше этого нелепого вопроса, ибо осознал, почему князь хочет иметь представление о его деяниях – Магнус был лжецом.

– Гретир думает, что я пытаюсь сместить его, – наместник Кленохлада вдруг остановился, серьезно взирая на юношу. – Знаешь, почему он даже не стал спорить насчет тебя? Он не может не считаться с моим мнением и решениями. Я сделал слишком много для города, и фактически весь он держится на моих плечах. Изредка князь что-то пытается мне противопоставить, но мы оба с ним прекрасно понимаем, что это не больше чем смешная иллюзия.

– Зачем ты говоришь мне все это? – удивленно спросил Ворон. Конечно, он предполагал, что здесь имеют место быть какие-то хитросплетенные интриги, но чтобы его покровитель во второй день знакомства разом все выпалил – это было до невозможности диковинно. На мгновение даже показалось, что в голубых и вечно трагичных глазах Магнуса проступили искры какого-то раздражения.

– Потому что мне даром не нужен этот глупый город. Я не хочу никаких переворотов. У меня есть другие цели, которые никак не навредят этому проклятому промерзшему поселению. Но чертов князь, обуреваемый паранойей, не желает верить мне. Настраивает против меня своих людей. Готов поспорить, что за ночь и тебе уже успели много наговорить.

– Но ведь... – произнес юноша. Похоже, что на его румяном от холода лице предательски выступали все его мысли.

– Не говори ничего. Это не важно. Все что я хочу – твоего доверия и немного молчания. Я сделаю все, чтобы твоя сестра была в полной безопасности, но если тебя спросят что-нибудь о том, что ты увидишь вместе со мной – молчи. Я могу верить тебе, Ворон?

Ворон кивнул, пристально взирая на своего спутника. Он явно не торопился доверять его словам, но в этой ситуации не оставалось ничего, кроме как дать положительный ответ. За то скромное время, что пробыл выходец из Лорднаса в Кленохладе, он уже успел попасть в круговерт каких-то непостижимых интриг и скрытых противостояний. Во всем нужно было тщательно разобраться, но одно было известно точно – это неведение являлось вполне себе достойной ценой за тепло и безопасность. Те отчаявшиеся люди, теснящиеся возле стен, способны заплатить и куда большую цену.

Вскоре после извилистого предлесья взору показалась небольшая рощица, в которой притаилось несколько обнесенных снегом шалашей, окруженных хрупким и покосившимся от влаги частоколом. Зыбкое оградительное кольцо даже не было замкнуто или укреплено воротами – огромный, видимо служивший входом, зияющий прогал обращал на себя внимание сразу же при заходе в этот перелесок. Видимо, место было выбрано не случайно – тянущиеся к небу вековые деревья утаивали этот маленький лагерь, скрывая его даже от стеклянного ока высоченной ратуши.

Магнус уверенно шел вперед, примечая, что обитателей этого места охватило беспокойство. Покинув свои убежища и забыв о греющихся на огне котелках, они дружно стянулись к центру, беззвучно ожидая, пока явившийся человек заговорит. Их было не больше пяти человек, и некоторые с интересом оглядывали незнакомого им юношу в черных доспехах.

– Мы ведь соблюдали твои правила. Почему ты пришел? – обеспокоенно спросил бородатый мужчина преклонного возраста. Похоже, он был здесь негласным лидером. Его окружали достаточно немощные люди с трагичным взглядом: двое стариков в потрепанных меховых одеяниях и русая женщина с маленькой девочкой лет двенадцати, кожа и волосы которой

были белее самого снега. Подобно какой-то игрушке, она обнимала живую белокрылую утку, и та спокойно находилась в ее руках, поглядывая на все происходящее своими крошечными глазами-бусинками.

– Так было нужно. Вас всерьез намереваются выгнать отсюда, поэтому то, что я просил, необходимо мне прямо сейчас, – голос Магнуса сломил пропитанное волнением беззвучие.

– Еще слишком рано. Ты же знаешь, что нам нельзя заходить слишком далеко. В чашах стало что-то происходить. Это ведь Ищущие, да? Похоже, они поняли, что мы затеваем. Теперь мы между молотом и наковальной, друг. Почему этот чертов князь настолько бессердечен? Куда он хочет нас выгнать?

– Вам стоило помнить про его отношение к предателям. Но нет нужды волноваться. Пока вы делаете то, что я говорю – вы в безопасности. Я сумею удержать его параною, – уверил наместник, после чего протянул к собеседнику свою руку, облаченную в кожаную перчатку.

– Там всего несколько точек. Для чего бы тебе не нужны были эти схемы, но картина еще не полная, – бородатый мужчина достал из внутреннего кармана сложенный в несколько раз пергамент, отдавая его Магнусу.

– Даже эти несколько точек являются сокровищем. Но сейчас у нас нет времени, – не посмотрев содержимое, наместник убрал таинственную схему к себе, развернулся и вознамерился уйти. – Вы немедленно должны приступить к последнему шагу.

– Но Магнус. Если мы отправимся туда, то больше не вернемся! Этот север просто сущий кошмар, заражающий нас безумием! Пожалуйста! Ты не представляешь, что там творится, – сетовал человек, обеспокоенно размахивая своими руками.

Магнус замер, подняв задумчивый и ледяной взгляд на взволнованного мужчину. Почему-то в этот момент даже безучастный ко всему этому Ворон встревожился.

– Представляю, – прозвучал негромкий ответ. – Если вы не принесете мне то, что нужно, не только ваши жизни постигнет катастрофа.

Тем временем в нерушимую кованую дверь, ограждающую Анну от всего остального мира, кто-то осторожно постучал. Обеспокоенная темноволосая девушка с изумрудными глазами, что доселе увлеченно рисовала что-то на клочке бумажки, вскочила, медленно подходя к проему. Склонив голову вбок, она ждала того, что произойдет дальше. Неужели ее братец вернулся так рано?

– Леди, откройте, пожалуйста, – донесся с той стороны чей-то незнакомый голос, заставивший Анну вздрогнуть.

– Ворон сказал, что нельзя впускать сюда посторонних. Его сердце опять наполнится расстройством, если я это сделаю, – проговорила девушка, осторожно прикасаясь ладонью к твердой поверхности двери, словно она способна укусить ее.

– Но я вовсе не посторонний. Пожалуйста, откройте мне. Всего на минуточку. Я уверяю, что никто даже не узнает об этом! – продолжал упрашивать глухой голос.

И почему-то, вопреки всем наказам своего брата, Анна поддалась на все эти настойчивые вежливые просьбы и, убрав упирающуюся в дверь стойку для доспехов, открыла ее. Почему-то незнакомые и чужие люди представлялись ей какими-то монстрами, которые грубо и яростно набросились бы на нее, а тут вполне себе обычный и возможно даже доброжелательный человек просит впустить его. Разве он может быть посторонним? Такие мысли даже не приходили в голову.

– Спасибо вам, леди, – улыбчиво поблагодарил невысокий незнакомец с аккуратно завитыми усами и небольшой бородкой. Анна заметила, что позади него недовольно стояла вчерашняя девушка с кровавыми волосами, скованно скрестив свои руки на груди и надув щеки. – Вы выглядите прекрасно. Разрешите войти к вам? Мы совсем ненадолго, правда.

Анна кивнула, всматриваясь в располагающие к себе глаза пришедшего усача. Он же, получив согласие, зашел внутрь вместе со своей спутницей, и та заперев выход, встала подле двери и уперлась в нее спиной. Алетта почему-то осталась безучастной, и вид ее явно говорил о том, что она недовольна всем происходящим в этот миг.

– У меня к вам всего один вопрос, – сделал лицо более серьезным, продолжил мужчина. Его одеяния не были даже близко похожи на красивую форму гвардейцев Кленохлада – наполовину потертая металлическая, наполовину кожаная, его косо надетая броня больше походила на облачение какого-нибудь стражника. – Вы умеете повелевать красным огнем?

Анна замешкалась, и взор ее забегал по комнате. Ворон говорил, что эту тему не следует поднимать, а тут человек напрямик задает ей вопрос, связанный с ее страшным проклятьем. Вновь она ощутила, как прозрачные потоки энергии льнут к ее рукам, пытаются просочиться в душу и выйти в форме разрушительного и всепожирающего пламени. Это заставляло нервничать, и девушка больше прочего желала сейчас уткнуться в плечо своего брата. Но где же был Ворон? Почему он не рядом?

Широко раскрыв слезящиеся глаза, Анна почувствовала, как ее руки затряслись. Реальность обрела новые, более острые формы, принимаясь беспощадно колоть ее с разных сторон и не давая даже секунды на то, чтобы продохнуть. В ее голове пронеслась пылающая красным огнем черная башня, душераздирающие крики ее брата и пронизывающий до самых костей холод ледяного дождя.

Это что, воспоминание?

Она не заметила, как припала на колени, но зато явственно почувствовала, как незнакомец прикоснулся к ней. Пальцы, которые легли на ее плечо, отдались внутри еще большей болью. Вызвали нечеловеческое отвращение и мигом прекратили поток текущих из глаз раскаленных слез. Он словно прикоснулся своими грязными конечностями к ее чистой огненной душе.

Девушка медленно подняла взгляд своих глаз на гостя, и тот беспомощно отшатнулся назад от увиденного. Его ноги подкосились от трепета, и он упал на пол, иступленно взирая на два красных кольца, сменивших былой изумрудный блеск невинных зеленых очей. Воздух вокруг стал невыносимо жарким и удушающим. Грохотнула позади дверь – Алетта в ужасе сбежала прочь.

– ЧЕГО ЖЕ ТЫ ЖДЕШЬ? – раздался вдруг исполненный яростью голос из уст девушки.

Глава IX

Ворон с Магнусом вернулись в полдень. В то время яркое солнце уже успело полноправно взойти, рассеивая своим светом злую ночную тьму и даруя обосновавшимся возле ворот несчастным людям столь нужное им сейчас дневное тепло. Его лучи причудливо падали на казавшуюся бесконечной снежную гладь, и зыбкий белесый покров словно отвечал дневному светилу миллионами сверкающих отовсюду снежинок. Казалось, будто это были крошечные осколки самого солнца, что по какой-то причине отделились от него и подобно невесомой пылице опустились на землю, утаиваясь среди вечных сугробов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.